

В ЭФИРЕ – АУДИОКНИГИ ТОМСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В ПРОЕКТЕ «ГОЛОСА КНИГ РОДНОГО ГОРОДА» УЖЕ ПРИНЯЛО УЧАСТИЕ БОЛЕЕ ПОЛУТОРА ТЫСЯЧ ТОМИЧЕЙ.

С начала проекта, поддержанного Президентским фондом культурных инициатив, не прошло и месяца, а уже озвучены все заявленные аудиокнижки томских писателей. Большинство прозаических произведений, вошедших в аудиосборник, широкому кругу читателей мало известны. Но тем выше значимость «Голосов книг родного города». Писатели Сергей Максимов (артистическое чтение) и Николай Серебренников (редактор сборника) не просто перевели в новый формат – для слушателей – уже изданные книги томских классиков и современных авторов, а, по сути, добавили в известные книжные серии, изданные областной писательской организацией, «Томская классика» и «Библиотека томской поэзии и прозы», новые произведения. Это – и «Блудный сын» Григория Потанина, и «Зойка» Марии Халфиной, и «Золотоискатели в пустыне» Владимира Обручева...

Произведения каждого из девяти авторов, вошедшие в сборник «Голоса книг родного города» были презентованы в сети Instagram в аккаунте Томского областного дома искусств. Ссылка для просмотра была разослана во все 50 организаций, участвующих в проекте: районные отделения Всероссийского общества слепых, общества инвалидов, советы ветеранов, дома престарелых, в интернаты и школы для слабовидящих детей, в центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей. Все желающие могут ознакомиться с интереснейшим циклом передач по литературному краеведению по ссылке https://instagram.com/arhouse_tomsk?igshid=3pjxiure59f2

Эти эфиры уже посмотрели или прослушали более полутора тысяч жителей Томской области. Особая благодарность – нашим постоянным зрителям. Ни одного эфира не пропустили в центрах помощи детям, оставшимся без попечения родителей, Бакчарского и Зырянского районов, «ЦПД имени М.И. Никульшина» из посёлка Тогур Колпашевского района, а также интерната для пожилых людей и инвалидов Томского района.

После вынужденных длинных выходных начнутся творческие встречи с писателями в реальном формате. Конечно, насколько позволят их проведение противоэпидемические ограничения. Но в любом случае подарки от областной писательской организации в виде традиционных бумажных книг и только что записанных аудиоверсий будут подарены участникам проекта в обязательном порядке.

Свое творчество представляет Сергей Заплавный.

ФЕСТИВАЛЬ «ТОМСКАЯ КНИГА»

В ОБЛАСТНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА ЗАВЕРШИЛСЯ ЕЖЕГОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «ТОМСКАЯ КНИГА». РАЗНООБРАЗНАЯ ПРОГРАММА ФЕСТИВАЛЯ ПОРАДОВАЛА ЧИТАТЕЛЕЙ И ЗРИТЕЛЕЙ БИБЛИОТЕКИ.

■ Выступает Сергей Максимов.

ВОПРОСЫ НА ЗАСЫПКУ

Беседа с Александром Казаркиным

- Александр Петрович, Вы без малого полвека отдали преподаванию литературоведения в высшей школе. Как Вы оцениваете результаты своей деятельности на этом поприще?

- С прохладным скепсисом: никакого следа я там не оставил. Как и девять десятых вузовских преподавателей: почти все нынче разочарованы. Правда, издал я первый учебник по русской критике XX века, писал и редактировал пособие по сибиреведению. Но мир этого не заметил, никому не интересно. Да, худо-бедно полвека без года проработал я в университете, но говорить о нём сейчас больно. В 60-е годы Томский университет считался третьим в Советском союзе. А с тех пор опустили его ниже плинтуса. Он породил областные университеты и вот стал заштатным вузом, даже в самом Томске вес его упал донельзя. В новой модели образования упор на узкоприкладное уменье. Кафедры выживают за счёт введения прикладных специальностей, оплачиваемых, идёт деформация коренных университетских программ. Из университета получается «ПТУ с духовным уклоном».

- Ваша литературная критика как-либо сказалась на собственном художественном творчестве?

- Скорее всего, нет. Да и какое у меня художественное творчество? Написал «Рассказы краеведа» и две повестушки на исторические темы. Поздновато. Надо было лет тридцать назад издать их. Напечатал в Кемерове книжку «Русская литературная классика XX века». Вот к ней пришёл через критику.

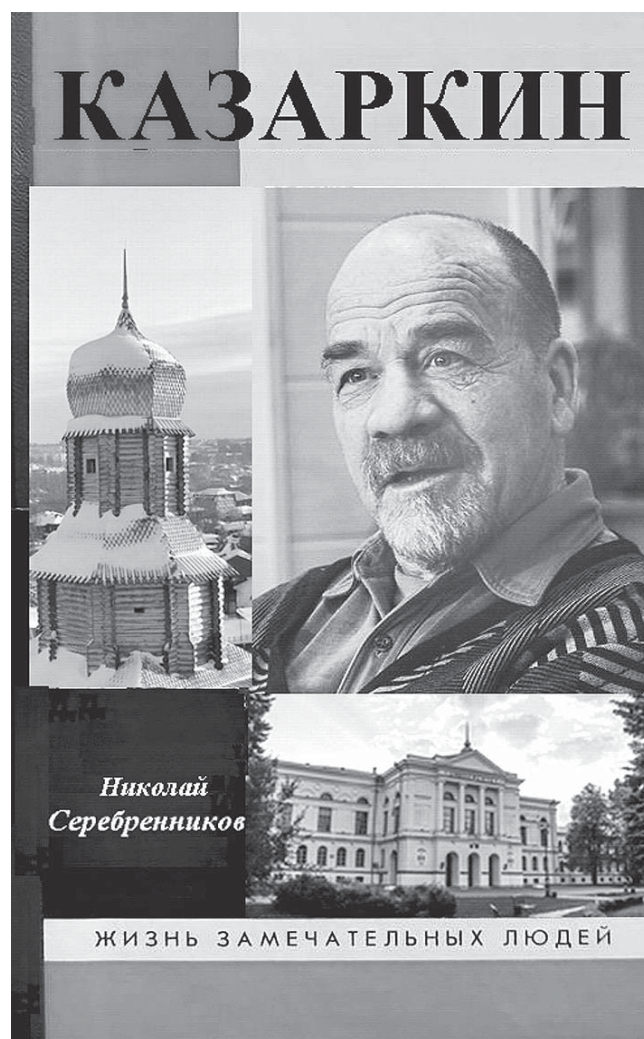
- Литература учит жить. Можно сказать, что Вы и этим занимались?

- Ну, это вопрос на засыпку. Литература делает человека душевно сложнее, повышает амбиции, а с ними – неудовлетворённость реальной жизнью. Такие рассуждения слышал я с детства от староверов. А вырос я на кержацкой заимке в шестнадцать домов. Чему может научить нынешняя литература, сплошь больная? Чему научил нас декадентский Серебряный век? Или тем более соцреализм? В начале преподавательской карьеры читал я фольклор, вот он, действительно, учит душевному здоровью. Но пришлось оставить его: некому было читать русскую литературу XX века, а в неё надо вникать и вникать самому, хотя бы потому, что путных учебников как не было, так и нет. Литература учит... а её перестают учить или учат шалаяй-валяй. Ушла она из центра нашей культуры. Безвозвратно? Не знаю.

Литература не должна проходить мимо вопросов веры и безбожия. Тут её кафедра. В детстве я молился, пока бабушка была жива. А потом – советская школа, пионерия. Какой-то тормоз всё же оставался и в школьные годы, в комсомол я вступил только в девятом классе, а все – в седьмом. Помню, когда зашёл к нам в избу председатель колхоза, коммунист, бабушка долго крестила дверь и тёрла скобу с золой: - Безбожники эти большевики, головорезы. Она-то помнила, как раскулачивали, как гнали в Сиблаг тех, кто не выходил на колхозную работу по большим праздникам. Директор школы, мужик в общем-то неплохой, фронтовик, партийный, конечно, вызвал меня в свой кабинет и наехал: - Ты думаешь, советская школа даст тебе аттестат? Да меня самого тогда турнут с работы. Если не подашь заявление в комсомол, с школой можешь попрощаться. Никаких антисоветских мыслей во мне ещё не было, но гимнопевцев коммунизма слушал я с ухмылкой. Снова молиться я стал годам уже к пятидесяти и перед сном молюсь мысленно. Разрешится ли эта коллизия веры и науки – кто знает.

- Сибирские областники мечтали, что Томский университет станет духовным центром края, но этого не случилось, а в Вашу бытность профессором вуз не дал ни копейки на издание книг «Сибирского архива» и даже воспротивился ввести обязательный курс литературы Сибири. Но Вас студенты вспоминают с благодарностью. Пожалуйтесь, несколько слов по поводу сибиреведения.

- Вот уж мольба в душе! Я работал над пятитомником Потанина и подготовил его, с Вашей помощью, Николай Валентинович, к печати. К двум ректорам обращался я с просьбой финансировать издание – ни гу-гу. Создали мы учебник по сибиреведению – ну, думаем, помощь учителям, радость им, облегчение. Как бы не так. Зачем им

сложности? Если где-то отведут несколько уроков на «региональный компонент», каждая училка бормочет что-нибудь своё, что подвернулось под руку. Когда-то региональный компонент ввели в школах, а ведь не было ни пособий, ни конференций. Вот мы создали пособие, а сибиреведение из школьной программы изъято – торжество глобализма. Потанин, наш великий учитель, предложил курс «концентрического родоисследования»: твоё село или город, район, область-губерния, большая Сибирь и, наконец, Россия. Без этого – провалы в исторической памяти и невнимание к родине, большой и малой. Дебилизация молодёжи – вот, по-моему, главная опасность. Вот чему учит нынешний постмодерн. Больше всего боюсь растущей невменяемости, тупого пофигизма (на улице звучит покруче). Прошли сквозь век безбожия и бесправия – и какой опыт вынесли из смуты? Беда народу, который национальную катастрофу зачислил себе в предмет гордости.

- Гоголь ощутил себя писателем, только когда понял писательство как всероссийскую кафедру, с которой можно говорить о решении насущных нужд. Вам знакомо такое чувство?

- Знакомо, конечно, в молодости так же думал. Теперь – уже нет. Перестала Россия быть страной читающей, мы стремительно американизируемся, хотя, конечно, станем американцами «второй свежести». Телевизор и гаджеты съели литературу и писанную историю. И замолчала Россия, никто не ждёт новых властителей дум, да и дум чей-то незаметно. Торжество бездумного потребительства. На подиумах – «звёзды» поп-культуры. Русскую песню задавили, а значит, нет почвы для поэзии. В этом смысле, гоголевском, писателем я себя не ощутил. Хотя для чего-то, из какого-то глухого несогласия, что ли, пишу на исторические темы.

- Как бы то ни было, историческая повесть о Тохтамыше смотрится несколько необычно. Но ведь она неслучайна? Остаётся пояснить, почему.

- Это по памяти – и родовой, и национальной. Я на восьмьюшку татарин – по отцовской линии. И к тому же незаконнорожденный я, сураз-подкрапивник. Отец мой («биологический» отец, с ним никогда не жил я) пришёл из армии весной 1941 года и успел совратить мою семнадцатилетнюю мать. Он был призван на фронт ещё до моего рождения, а вернулся он в нашу деревню, отсидев два года после победы. Левое ухо не слышало: в землянку ночью угодил снаряд, и все, кроме него, погибли. Он спал у края и потому выжил. Его, контуженного, откопали немцы, и ясно, куда он угодил... И вот на закате дней вспомнил я тючевское: «Во всём величье видел ты закат звезды его кровавой». Ну прямо про Советский Союз! Его закат больше походит на ордынский, чем на римский. А вторая ветвь моего рода – староверская. Об этом написал я повестушку «Кержаки», пока доделываю и раздумываю, куда её пристроить. Кажется, что-то получилось, тут родное, тут память детства. Я прошёл полосу безбожия и поздно задумался над простым вопросом: неужели у коренной православной веры, у старообрядческого миропонимания, нет продолжения? Тогда и любая вера уходит в песок бесследно. Апокалиптика стала крайне актуальной, но многие ли способны оглянуться?

- Можно выделить основную идею Вашего творчества? Или основную тему.

- Затрудняюсь сказать. Тут надо всерьёз к себе относиться, а ведь писать-то начинают из комплекса неполноценности... Мучает шукшинский вопрос: «Что с нами происходит?» Совсем уж страшный вопрос задал, уходя, Виктор Астафьев: «Куда же мы делись?» То есть – нет уже былого народа?

В школьные годы я спорил с последним твёрдым кержаком. Он – крепкий старик, ровесник моего прадеда, прожил, говорят, 103 года. У него был лучший дом и пасека, за что и раскулачили его, загнали в Нарым. Рассказы его – сюжет для романа: «Переворот, он на что похож? На большой рой, когда матки нету. Пчёлы комком скрутятся, давят друг друга и гадят сами себе, гадят без конца. Трутни – сразу в начальники, рабочих пчёл загрызают. Батрак, мол, – самолучший человек. А кто ему не давал доброе хозяйство строить? Поровну же на едоков землю нарежали, а он, вишь, опять батрак. А как они радовались нашей раскулачке-то! Дома и огороды ухоженные – переселяйся, раз ты из комбеда. Только батрак, он и есть батрак, тут же всё пускал в запустенье. Чуть не половина коней пала в первую же колхозную зиму, что уж говорить о пчёлах... Если по пчёлам мерить, в деревне одни семьи-трутневки останутся. А семья-трутневка вся перекусается и себя погубит». Разве способна литература учить вот такой народной мудрости? Духовный иммунитет наш почти на нуле. На этом фоне я толкую старообрядчество как кондовый антиглобализм. Не хочу умереть безбожником, но вышел из меня богоискатель-гностик. Таково абсолютное большинство нынешних образованцев. У нас в России, как и на Западе, духовный интерес повёл сперва от религии к науке, а победа утопистов дала обратный толчок: от науки – к апокалиптике. И тут староверы – вновь пионеры. Для них конец света – не только неизбежность, но уже и явь.

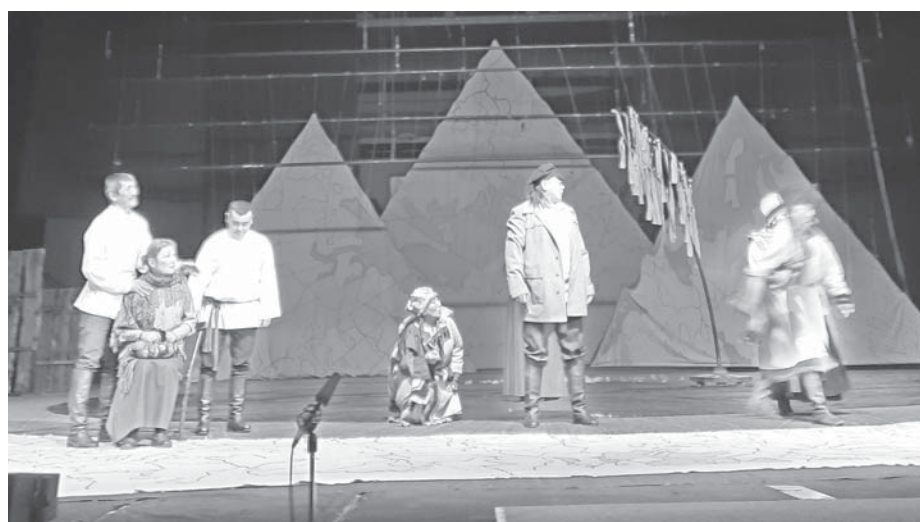
- Вы очень интенсивно работаете. Стандартный, однако всегда интересный вопрос: Ваши планы.

- Хотел к последнему своему юбилею издать книгу «Сибирский тракт». Но где деньги лежат? А план вот какой: приступил к книжке для школьников, рабочее название: «Сибирь: век за веком». Пытаюсь снять пенку с моих книжек «Как открывали Сибирь», «Ермаки-Кучумы», «Сибиреведение». Главное тут – работа над стилем. Не могу понять, почему за последние полвека о Сибири не издано ни одной хорошо написанной книги. Книги для детей имею в виду, они не интересны, созданы без сердца. Пишу и думаю о внуках и внучках. А будут ли они читать-то? Пока ни в одном из пятёрых гуманитарных интерес в глазах не светится. Написал им о предках («Исповедь чалдона») – ноль внимания. Грустно это, но, видно, такова уж судьба-индейка. И все же как-то надо верить, что «впереди огни».

Вопросы задавал Н.В. Серебренников.

ВОСХОЖДЕНИЕ НА ХАН-АЛТАЙ

В Томске состоялся театральный праздник. Национальный драматический театр имени П.В. Кучика представил историческую драму «Восхождение на Хан-Алтай». Автор идеи и литературно-художественной концепции проекта народный писатель республики Алтай Диман Белеков. Перед спектаклем зрители могли посмотреть выставку картин Григория Ивановича Чорос-Гуркина, которую представил республиканский музей. А также была развернута экспозиция по истории национального театра.

«МАСТЕРСКАЯ» ВЫХОДИТ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ АДМИНИСТРАЦИИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ.